РЕЛИГИЯ

© 1994 г., ЭО, № 2

Г. Е. Светлов

НОВЫЕ РЕЛИГИИ ЯПОНИИ

В современной Японии большое идеологическое воздействие на население оказывают так называемые «новые религии». В это понятие исследователи включают многочисленные течения, возникшие в разное время начиная с первой половины XIX в. в противовес синто и традиционным школам буддизма и получившие наибольшее распространение после второй мировой войны. Новые религии — не единственная дефиниция указанных течений. Некоторые исследователи предлагают название «народные религии» исходя из того, что большинство их ведет происхождение от народных движений, развившихся вне рамок традиционных религиозных направлений. На наш взгляд, гораздо полнее специфику рассматриваемого явления отражает термин «новые социально-религиозные движения», введенный в научный обиход американским религиоведом Б. Эрхартом в конце 60-х годов [1]. В статье мы пользуемся уже вошедшей в научный оборот дефиницией «новые религии».

В отличие от синто и традиционных школ буддизма руководители новых религий сумели более искусно приспособить свою догматику, культ и организацию к меняющейся действительности; их адепты гораздо активнее участвуют в общественной жизни. Иными словами, новые течения являют собою яркие образцы религиозного модернизма, определенно представляя обновленческую струю в религии. В силу ряда причин процесс религиозного обновленчества в Японии не развивался в рамках традиционных школ, а вылился в создание новых групп и организаций.

Новые религии возникли в результате сложного взаимодействия факторов как религиозного, так и социально-экономического характера, причем каждая из них достигала наибольшего подъема в периоды социальных кризисов, ломки установившихся отношений, обострения противоречий в обществе. В истории их возникновения и распространения можно выделить по крайней мере пять основных периодов.

Первый охватывает несколько десятилетий накануне незавершенной буржуазной революции 1867—1868 гг. Движения, зародившиеся в этот период преимущественно на базе синто и народных верований, явились продуктом эпохи кризиса, поразившего все стороны общественной жизни доживавшего свой век феодального режима сёгуната Токугава. В специфической форме они отразили не только разочарование широких слоев общества — крестьян, ремесленников, торговцев, мелких самураев — в находившихся под контролем властей религиозных институтах, но и их стремление преобразовать жизнь на основе новых религиозных принципов.

Второй период падает на конец XIX — начало XX в., то есть время форсированного развития японского капитализма. Усиление эксплуатации, отягощенной сохранением многочисленных полуфеодальных форм угнетения, побуждало значительную часть трудящихся — крестьян и представителей нарождавшегося рабочего класса — искать утешения в религии. В этот период организационно оформились многие движения, возникшие еще в канун революции 1867—1868 гг.; был создан и ряд новых религиозных групп.

Третий период приходится на 20-е — начало 30-х годов. Быстрый рост числа новых религиозных групп (с 98 в 1924 г. до 1029 в 1935 г.) происходил в обстановке усиления социальной неустойчивости, усугублявшейся экономическими кризисами и политикой военных авантюр японского империализма, а также дальнейшим ростом разочарования значительной части верующих в традиционных религиозных школах. Характерным для этого периода является рост удельного веса среди адептов новых религий представителей городских слоев населения — преимущественно мелкой и средней буржуазии, а также рабочего класса. Преследования новых религий властями, начавшиеся еще с конца XIX в.— со времени оформления государственного синто как религиозно-политической системы, в середине 30-х годов достигают своего апогея. Большое число новых религиозных групп было распущено, их руководители арестованы. Часть групп сумела избежать гонений, пойдя по пути сотрудничества с властями и приведения своей догматики в соответствие с государственным синто.

Первые послевоенные годы — четвертый период — ознаменовались феноменальным ростом числа новых религий. Резкое ухудшение жизни народа в условиях экономической разрухи вновь усилило среди мелкой и средней буржуазии, крестьянства, части рабочих тенденции к вероискательству. Ни синто, использовавшийся милитаристами для оправдания политики войны и агрессии, ни традиционные школы буддизма, переживавшие идеологический упадок, не могли, однако, привлечь людей. Это удалось проповедникам новых религий. Успеху их деятельности способствовало и упразднение существовавшего вплоть до окончания войны государственного контроля над религией. В эти годы оживилась деятельность практически всех возникших ранее групп, были восстановлены запрещенные властями организации, появилось еще несколько сот совершенно новых групп. Большинство из последних позже либо распались, либо пришли в упадок, но в конце 40-х — начале 50-х годов их деятельность являлась наиболее существенной чертой религиозной ситуации в стране.

Начало 60-х годов (пятый период) стало важным рубежом в развитии новых религиозных движений. В условиях быстрых темпов экономического роста происходил большой отток сельского населения в города. Форсированная урбанизация серьезно подорвала массовую базу общинного синтоистского культа и местных буддийских храмов. Миллионы людей, вырванных из привычной среды, ввергнутых в водоворот капиталистического города, обратились к новым религиям. С этого времени и вплоть до наших дней вчерашние выходцы из деревни составляют основной резерв этих религий. В деятельности всех без исключения организаций новых религий значительно усилились тенденции к модернизации, а главным объектом их миссионерских усилий стала молодежь. Новые религии превратились в одну из важных общественных сил современной Японии.

В настоящее время из 374 функционирующих в стране религиозных групп примерно половина приходится на новые религии. Имеется также несколько сот мелких организаций, деятельность которых ограничена отдельными районами [2]. По различным оценкам, численность адептов новых религий составляет не менее четверти всех верующих [3]. Однако по степени активности участия как в деятельности своих организаций, так и в общественной жизни в целом адепты новых религий значительно превосходят верующих традиционных религиозных школ. Это дает японским религиоведам основание характеризовать новые религии как «самую динамичную религиозную силу» современной Японии, без учета которой нельзя правильно оценить тенденции общественного развития [4].

Для новых религий при всем их разнообразии характерен ряд общих черт, совокупность которых отличает их от традиционных религиозных течений.

1. Новые религии в высшей степени эклектичны и синкретичны. То, что они называются новыми, вовсе не означает, что они возникли из ничего. Догматика и культовая практика новых религий базируются на японской религиозной традиции, от которой они заимствовали самые разнообразные элементы.

Присущий религиозной традиции Японии синкретизм обусловливает и синкретизм новых религий, естественное восприятие их адептами смешения в вероучении одной группы синтоистских, буддийских, христианских идей, заимствований из других религий. Однако в новых религиях такое смешение достигает несравненно более высокой степени, нежели в любом из традиционных религиозных направлений. При этом нередки случаи, когда в одной группе объектами культа одновременно могут быть не только божества синто и будды и бодхисатвы буддизма, но и Иисус, Конфуций, а также какие-то «свои» божества.

2. За редким исключением, новые религии доступны широкому кругу людей, что обусловлено упрощенностью процедуры вступления, догм, обрядности. Новообращенный не дает отягощающих его обязательств, не подвергается ничему похожему на обряд крещения, лишь в отдельных случаях платит вступительный взнос, а регулярные взносы ограничиваются символической суммой. Часто обрядность служит наглядной иллюстрацией догм, что делает их еще более доступными для понимания верующих. Радикально упрощен и пантеон: в большинстве случаев он сведен к единому верховному существу. Догма не является чем-то раз и навсегда заданным. С течением времени она меняется, приспосабливаясь к изменяющимся запросам верующих.

3. Обращенность к житейским проблемам служит важнейшим фактором популярности новых религий. Подход к вере как способу исцеления от болезней, обретения материальных благ, гармонии в семейных отношениях характерен для японской религиозной традиции в целом. Однако в новых религиях такой подход стал основой религиозной практики. Задача спасения в потустороннем мире отодвинута на задний план, основное внимание уделено решению проблем, с которыми верующий сталкивается в повседневной жизни. Новые религии чутко реагируют на изменения в характере этих проблем, умело приспосабливаются к ним, что обусловливает их жизнеспособность, которой недостает традиционным религиозным течениям.

4. Отношение к вере как средству обретения земных благ обусловливает широкое распространение в практике новых религий элементов магии: объекты культа считаются панацеей от всех зол, используются разного рода магические формулы, заклинания, заговоры, очень популярны всевозможные амулеты и т. п. Подобная практика унаследована от народных верований и, естественно, находит благодатную почву.

5. Преобладание магии предопределяет наличие во главе каждой новой религии личности, наделенной «чудодейственными» способностями, т. е. по существу шамана. Указанный тип был особенно характерен для основателей новых религий в XIX — первой половине XX в. В наши дни более распространен тип руководителя, который не апеллирует к своим «чудодейственным» свойствам, но утверждает, что открывает путь к истине. В обоих случаях, однако, верующие воспринимают своего духовного вождя как божество в облике человека. Представление о руководителе-живом боге (икигами) глубоко укоренилось среди адептов новых религий. Культ руководителя, непогрешимого в своих действиях и словах, присущ и движениям, возникшим еще в прошлом веке и отразившим примитивную крестьянскую идеологию, и движениям, развившимся в последующие десятилетия на базе городского населения. В свою очередь это обусловливает авторитарный характер новых религий.

6. В отличие от синто и традиционных школ буддизма новые религии во всех сферах деятельности опираются преимущественно не на профессиональное духовенство, а на массы верующих. Во многих новых религиях практически нет профессиональных священнослужителей. Задача проповеди веры и привлечения неофитов возлагается на самих членов организации. Рвение в этих делах служит высшим критерием приверженности верующего своей организации, а следовательно, и того, достоин ли он благ, которых ожидает от веры. Такой подход мощно стимулирует миссионерские усилия верующих. В свою очередь высокая степень их миссионерской активности служит важнейшим фактором роста организации.

7. Уже само обстоятельство, что на верующего возложена миссия привлечения неофитов, от выполнения которой зависит усиление организации, возвышает его в собственных глазах, вселяет в него чувство собственной значимости. Подобные чувства культивируются и повседневной практикой новых религий, в которой важное место занимают групповые собеседования. В ходе таких собеседований верующий получает возможность выговориться, изложить свои тревоги и заботы, получить от руководителя группы совет, имеющий отношение к нему одному. Вне зависимости от практической ценности совета у верующего возникает иллюзия, что о нем заботятся, что он кому-то нужен, а это в свою очередь рождает в нем чувство собственного достоинства. Все это имеет важное значение в обществе, в котором в течение веков доктрина беспрекословного подчинения младших старшим, нижестоящих вышестоящим практически отрицала ценность отдельной человеческой личности. Однако в силу авторитарного характера новых религий и того, что, как правило, они проповедуют консервативную мораль, основанную на традиционной семейной системе, чувство собственной значимости, культивируемое указанной практикой, носит по существу иллюзорный характер. На практике адепт новой религиозной организации остается послушным исполнителем воли своего духовного пастыря, что дает возможность последнему направлять деятельность членов своей организации в нужное ему русло. Это обстоятельство обусловливает особую привлекательность новых религий для консервативных «политиканов», которые через руководителей этих организаций обеспечивают себе поддержку их членов на выборах.

8. Новые религии используют стремление людей к объединению, их тягу к коллективу в обстановке, когда капиталистическая конкуренция их разъединяет, а проблема отчуждения личности становится в большом городе все более острой. Чувство принадлежности к коллективу культивируется не только практикой групповых собеседований, привлечением верующих к миссионерской деятельности, но и их участием в крупномасштабных мероприятиях, каковыми могут быть сооружение культового центра, массовые празднества и т. п. Важную роль в этом плане играет участие верующих в различных формах коллективного безвозмездного труда на благо не только собственной организации, но и общества в целом (уборка мест общественного пользования, парков и т. п.). Сплочению коллектива верующих в немалой степени способствуют выпускаемые новыми религиозными организациями периодические издания, фильмы и телепрограммы (в последних может выступить практически каждый адепт организации).

Стремление приобщиться к коллективу особенно присуще молодежи, которая служит объектом повышенного внимания новых религий. Молодежные отделы составляют движущую силу ряда наиболее влиятельных организаций. Для молодежи разрабатываются специальные культурные программы. В целом в новых религиях процент молодежи среди верующих несравненно выше, чем в организациях традиционных религиозных школ.

9. Обращенность к житейским проблемам обусловливает тесную связь новых религий с повседневной жизнью. В ряде случаев их догмы рассматривают труд как неотъемлемую часть религиозной практики. Подобный подход открывает путь к активному участию новых религиозных организаций в общественной жизни. Формы такого участия весьма разнообразны: благотворительная, просветительская деятельность, охрана окружающей среды, обеспечение безопасности уличного движения и т.п. Высшим проявлением интереса религиозной организации к общественной жизни служит ее участие в политической борьбе, а также в крупных общественных движениях (например, движение в защиту мира). Во всех массовых новых религиозных организациях созданы политические лиги, в задачу которых входит поддержание контактов с политическими партиями (в подавляющем большинстве случаев — с правящей либерально-демократической партией) и определение позиции организации во время выборов и других политических кампаний. Крупнейшая среди новых религий — Сока гаккай (Общество создания

ценностей) — образовала собственную политическую партию Комэйто (Партия чистой политики).

10. Большинству новых религий присущ дух взаимопомощи, что также служит одним из важных факторов привлечения верующих в их ряды. В ряде случаев, особенно на первых порах пребывания в организации, верующий получает не только блага от своей приверженности вере, но и реальную материальную помощь от единоверцев, которая выражается в небольших денежных суммах, поддержке вновь открытого магазина или мастерской члена группы, приобретении лекарств для больного и т.п. Такая практика используется и для привлечения неофитов.

11. Для новых религий характерно интенсивное использование самых современных средств массовой информации, новейших достижений науки и техники, самой изощренной коммерческой рекламы для пропаганды вероучения, расширения своих рядов, сплочения коллектива верующих. Массовые новые религии, как правило, имеют в своем распоряжении крупные издательства, рекламные бюро, сотрудничают с ведущими телевизионными и кинокомпаниями. Многие из них не чураются предпринимательской деятельности, которая служит их руководителям важным источником дохода. Впрочем, в этом отношении они практически отличаются от организаций традиционных религиозных школ лишь более крупными масштабами деятельности.

Несмотря на наличие изложенных выше общих черт, новые религии весьма отличаются друг от друга по происхождению (они вызваны к жизни разными историческими и социальными обстоятельствами), характеру своих догм, религиозной практике, формам организации. Сложность выработки критерия для классификации новых религиозных организаций усугубляется их в высшей степени синкретическим характером. Как уже указывалось, в большинстве случаев догмы новых религий представляют собою эклектическое сочетание элементов религиозных традиций, на базе которых они возникли, а именно: синто, буддизма, конфуцианства, даосизма, народных верований, христианства. Неудивительно поэтому, что ни один из методов классификации новых религий, принятых японскими и иностранными религиоведами, не может быть признан совершенным.

Наиболее распространен метод классификации новых религий по их происхождению. Будучи столь же несовершенным, как и другие (движения, восходящие к одной и той же религиозной традиции, подчас резко отличаются друг от друга по характеру культовой практики, организационным принципам, типам основателей, обнаруживая по этим показателям большее сходство с группами, ведущими происхождение от иной традиции), этот метод все же исходит из критерия, позволяющего привести многообразие религий к относительно стройной системе. В соответствии с указанным методом новые религиозные движения могут быть разделены на четыре большие группы: неосинтоистские, необуддийские, смешанные, или синкретические в своей основе, и движения межрелигиозного согласия. Здесь мы рассмотрим только группы, причисляющие себя к неосинтоистским.

Неосинтоистские религиозные течения зародились либо накануне, либо в первые годы после революции 1867—1868 гг. В довоенной Японии они существовали как признанные властями религиозные организации в рамках сектантского синто. Такое название было дано им, чтобы не смешивать их с синто, провозглашенным государственным культом. Неосинтоистские движения сильно отличаются друг от друга по степени включения в их догмы и религиозную практику элементов других, помимо синто, религиозных традиций. С учетом этого они подразделяются на две подгруппы.

А. Синтоистские в своей основе движения. Некоторые из них возникли еще при феодализме в среде радикально настроенного крестьянства. Будучи самыми ранними по происхождению, эти движения несут на себе наибольший по сравнению с другими новыми религиями груз средневекового наследия. Они также неоднородны. *Идзумо Оясиро кё* (Религия святилища Идзумо), духовным центром которого является одно из самых популярных синтоистских святилищ, *Синри кё*

(Религия божественного принципа) и *Синто тайкё* (Великое учение синто), ближе к синто. Объектами культа в них служат синтоистские божества — ками, но солнечная богиня Аматэрасу не выделяется в качестве верховного божества. Для вероучений *Синто сюсэй ха* (Исправленное синто) и *Синто тайсэй кё* (Завершенное учение синто) характерно известное влияние конфуцианства. *Дзикко кё* (Учение, претворенное в жизнь), *Фусо кё* (Религия Страны восходящего солнца), *Онтакэ кё* (Религия горы Онтакэ) связаны с распространенным в народных верованиях культом гор. Они возникли на базе *ко* — групп верующих, объединявшихся для совершения коллективного паломничества на святые горы, особенно на Фудзи и Онтакэ. В религиозной практике *Синсю кё* (Религия божественного познания) и *Мисоги кё* (Религия очищения) особый упор делается на обряды очищения.

В настоящее время указанные движения, социальной базой которых остается крестьянство, представляют наиболее консервативную часть новых религий, степень их участия в общественной жизни страны не высока.

Б. В гораздо большей мере понятию «новые религии» отвечают движения, которые на основе взаимодействия синто и других религиозных традиций выдвинули свои оригинальные вероучения. Все они зародились в последние десятилетия перед революцией 1867—1868 гг., характеризовавшиеся крайней социальной неустойчивостью, обнищанием народных масс, общей нервозностью и возбуждением. В этой обстановке появлялось, главным образом в среде крестьянства, немало людей, испытавших сильные нервные потрясения в результате выпавших на их долю тягот. Иные из них пришли к убеждению, что они одержимы богом (камигакари) и поэтому способны вещать божественные истины. Подобные представления базировались на многовековой традиции шаманской практики, которой занимались бродячие буддийские монахи, прорицатели, горные отшельники и т. п. Именно из числа камигакари вышли первые основатели новых религиозных движений.

Предтечей таких движений стала *Нёрай кё* (Религия Будды), основанная в 1802 г. крестьянкой Ицусон Кино (1756—1826), прожившей трудную, полную лишений жизнь. В ее проповедях причудливо переплелись представления, заимствованные из синто, буддизма и народных верований, в частности очень популярного в народе культа Конпира, почитавшегося как божество счастья и удачи. Кино утверждала, что Конпира, будучи посланником Будды, вещает ее устами истины «всеведующего и всемогущего творца, спасителя людей». Кино провозглашала равенство всех людей независимо от их сословной принадлежности и пола, проповедовала спасение бедняков [5].

Как самостоятельное религиозное движение *Нёрай кё* оказалось недолговечным: некоторое время спустя после смерти Кино оно подверглось преследованиям властей, превратилось в замкнутую секту, а затем слилось с одной из традиционных школ буддизма, в рамках которой продолжает существовать и по сей день. Однако в истории религиозного обновленчества в Японии Нёрай кё оставило след, положив по существу начало процессу образования новых религий.

Возникшая в 1814 г. *Куродзуми кё* действует и по сей день как самостоятельная организация. Группа названа так по имени своего основателя Куродзуми Мунэтада (1780—1850), синтоистского священника из Окаямы в Западной Японии. На формирование его взглядов сильное влияние оказало участие в одном из массовых паломничеств — окагэмаири — в святилище Исэ, посвященное Аматэрасу. В окагэмаири в специфической форме находил выражение протест низов против феодальной эксплуатации и установленного властями жесткого контроля над религией. В возрасте 34 лет Куродзуми потерял родителей, которых горячо почитал. Испытанное им сильное душевное потрясение вызвало обострение туберкулеза легких. Положение Куродзуми стало критическим. В один из дней, проводимых как всегда в молитвах, Куродзуми внезапно ощутил единение в Аматэрасу. После этого он постепенно излечился от туберкулеза. Куродзуми объявил себя живым богом (икигами), тождественным солнечной богине. Создан-

ная им группа распространила свое влияние на крестьян и ремесленников Западной Японии.

В догматике Куродзуми кё заметно влияние христианства и буддизма. В отличие от синто Куродзуми кё — монотеистическая религия. Главный объект культа — Аматэрасу, считающаяся абсолютным божеством вселенной, творцом всего сущего. Остальные божества синто воспринимаются лишь как проявления Аматэрасу. Согласно вероучению Куродзуми кё, все люди являются детьми солнечной богини. Причиной их бед и несчастий служит присущее людям заблуждение, что все, чем располагает человек, включая его душу, тело и имущество, принадлежит ему самому, тогда как в действительности все это — достояние Аматэрасу. Осознав указанную истину, человек обретает «единение» с Аматэрасу и тем самым избавляется от бед и несчастий. Куродзуми кё проповедует отказ от эгоистических наклонностей, самопожертвование, душевную прямоту, трудолюбие [6].

Обрядность Куродзуми кё почти аналогична синтоистской. Единственным отличием является так называемый «ритуал заглатывания солнца»: вознося молитвы Аматэрасу, верующие периодически делают глубокий вдох, что символизирует «заглатывание солнца». Считается, что таким образом они приходят к осознанию своего единства с солнечной богиней, обретая тем самым здоровье и душевное умиротворение. В Куродзуми кё практикуется исцеление верой путем окропления «освященной» водой тела больного или же таблички с его именем.

В настоящее время влияние Куродзуми кё ограничивается префектурой Окаяма и прилегающими районами. Подавляющее большинство адептов группы — крестьяне. Численность их, по явно завышенным данным, предоставленным самой организацией, составляет 295 тыс. человек. Имеется 339 церквей с 2923 священнослужителями [7]. Куродзуми кё участвует в благотворительной деятельности, содержит школы, детские сады, клубы для детей. Издательская деятельность ограничивается двумя ежемесячными и одной ежеквартальной публикациями.

Принадлежа к числу маловлиятельных новых религиозных организаций, Куродзуми кё тем не менее представляет интерес для изучения новых оригинальных вероучений, возникших на базе взаимовлияния синто с другими религиозными традициями.

В отличие от Куродзуми кё, зародившаяся в середине XIX в. *Тэнри кё*(Религия божественной мудрости) является крупной массовой религиозной организацией, имеющей свои церкви не только во всех префектурах Японии, но и во многих зарубежных странах.

Основательницей Тэнри кё была крестьянка Накаяма Мики (1798—1887) из провинции Ямато (ныне префектура Нара) в Центральной Японии. В истории ее «обращения» много общего с Куродзуми Мунэтада. Придя в отчаяние из-за тяжелой болезни сына, Мики временами теряла рассудок, впадала в транс. В 1838 г. в один из таких периодов она объявила, что ее тело стало обителью бога. С тех пор она в течение длительного времени практиковала знахарство и заклинания. За ней установилась репутация врача и акушерки с чудодейственной силой.

Как религиозное течение Тэнри кё начала складываться лишь в середине 60-х годов XIX в., когда приверженцы Накаяма создали небольшую группу. Большинство догм Тэнри кё было разработано уже после революции 1867—1868 гг. Основы догматики содержатся в написанных Накаяма «Микагура ута» (1866—1880) и «Офудэсаки» (1869—1882). Эти работы отражают настроения народных масс последних перед революцией десятилетий.

Объектом культа в Тэнри кё является Тэнри-о-но микото (Господь божественной мудрости), который считается единственным верховным существом. Часто его называет Оя-гами (бог-отец). Согласно вероучению Тэнри кё, Оя-гами избрал своей обителью тело Накаяма Мики и вещал людям божественные истины.

Накаяма учила, что Оя-гами создал человека из моря грязи, что мир создан ради человека, дабы тот жил в радости и веселье. Все люди — дети бога, а потому

они — равноправные братья. Накаяма по существу отвергала культ предков и принцип сыновней почтительности, утверждая, что главное для благополучия семьи — это добрые отношения между супругами. Обращаясь с молитвами к Оя-гами и отдавая ему безвозмездно свой труд, учила Накаяма, человек открывает путь к жизни, полной радостей. А когда люди последуют истине Оя-гами, вечное счастье станет уделом всех и на земле воцарится рай без болезней, без страданий, без принуждения [8].

Проповедуемые Накаяма идеи обладали большой притягательной силой, отражая атмосферу ожидания лучшей жизни, преобладавшую среди крестьян и городских низов в канун революции 1867—1868 гг. За свои убеждения Накаяма подвергалась преследованиям со стороны властей, ее арестовывали 18 раз. Тем не менее она мужественно отстаивала свои взгляды, предрекая падение власть предержащих и возвышение обездоленных, проводя мысль о приоритете своего вероучения перед любой политической властью. Тенри кё превратилась в массовое движение преимущественно крестьян, которые в религиозной форме искали путь к социальной справедливости и лучшей жизни.

После смерти Накаяма Мики ее последователи в обстановке непрекращающихся гонений со стороны властей вынуждены были идти на компромиссы, отказавшись от открытой проповеди тех положений учения основательницы, которые были абсолютно неприемлемы с точки зрения государственного синто. В 1903 г. был опубликован новый «Канон Тэнри кё», составленный в соответствии с официальной идеологией. В частности, из догматики Тэнри кё был изъят космогонический миф, находившийся в явном противоречии с государственным мифом о божественном происхождении императора. Во время японо-китайской (1894—1895 гг.) и русско-японской (1904—1905 гг.) войн Тэнри кё активно поддерживала политику правительства, сделала крупные взносы на строительство военных кораблей и производство оружия. Это открыло путь для признания Тэнри кё властями в 1908 г. в качестве одной из групп сектантского синто. Вплоть до поражения Японии во второй мировой войне Тэнри кё придерживалась линии сотрудничества с властями.

Отход руководства Тэнри кё от вероучения основательницы вызвал недовольство среди радикально настроенных ее членов, которые в 1925 г. откололись от организации и создали собственную группу, получившую впоследствии название *Хонмити* (Основной путь). Руководитель группы Ониси Айдзиро (1881—1958) провозгласил себя преемником Никаяма Мики, унаследовавшим ее вероучение. В основу догматики Хонмити была положена проповедь Накаяма о равенстве и братстве всех людей и созданный ею космогонический миф. Ониси был убежденным пацифистом. Он не только горячо выступал против войны, но и запрещал адептам Хонмити брать в руки оружие и в какой-либо форме участвовать в деятельности, содействующей военной политике властей.

В обстановке, когда Япония развернула подготовку к захватническим войнам, подобные действия были совершенно нетерпимы. Уже в 1928 г. Хонмити подверглась гонениям: одновременно было арестовано около 1000 адептов организации. Однако после освобождения из заключения Ониси и его сторонники с удвоенной энергией возобновили проповедь «истинного» учения Накаяма и распространение пацифистских идей. В 1938 г. Хонмити стала объектом новых преследований. Ониси и несколько сот его сторонников были преданы суду. Многих из них приговорили к различным срокам тюремного заключения, сам Ониси оставался за решеткой вплоть до окончания войны. В 1946 г. Хонмити была восстановлена, однако гонения, которым в свое время подверглась организация, наложили отпечаток на характер ее деятельности. Нынешняя Хонмити — это небольшая замкнутая группа сектантского типа, поддерживающая ограниченные контакты с внешним миром [9].

По-иному сложилась судьба Тэнри кё, которая, сумев благодаря компромиссам с милитаристскими правительствами сохранить свою организацию, превратилась после войны в одно из наиболее влиятельных новых социально-религиозных

движений. Ныне основным каноническим текстом Тэнри кё наряду с написанными Накаяма «Микагура ута» и «Офудэсаки», служат составленные ее преемником Ибури в начале XX в. «Осасидзу» («Божественные указания»). Одним из главных положений догматики Тэнри кё является *касимоно-каримоно* (букв. «отданное взаймы, полученное взаймы»). Оно интерпретируется так: все, что человек имеет, включая собственное тело, не принадлежит ему, а получено взаймы от Оя-гами. Если человек сознает это и во всем полагается на Оя-гами, его сопровождают счастье и удачи. В противном случае его ждут одни лишь беды.

Если человек считает, что его тело принадлежит ему, душу его покрывает хокори (пыль). Этим термином в Тэнри кё обозначаются все отрицательные свойства людей: жадность, ненависть, зависть, невежество и т.п. От пыли, оседающей на душу, избавляются так же, как и от пыли, покрывающей мебель: ее просто сметают. Только метлой в данном случае является сам Оя-гами, к которому следует обратиться с молитвой. Это достигается отправлением различных обрядов. Среди них наибольшей известностью пользуется *тэ-одори* (танец рук), во время которого верующие движениями рук имитируют смахивание пыли. Аналогичные движения сопровождают и самую распространенную среди адептов Тэнри кё молитву: «Смети все зло и спаси нас, о Оя-гами, Тэнри-о-но микото!».

Избавление от греховной пыли достигается также посредством *хинокисин* — бесплатного труда верующих для Оя-гами в знак признательности за его благодеяния. Хинокисин широко используется при возведении культовых зданий (так был сооружен весь громадный комплекс культового центра Тэнри кё в г. Тенри, префектура Нара), проведении различных мероприятий.

Обращаясь с молитвами к Оя-гами и отдавая ему безвозмездно свой труд, человек открывает путь к *ёкигураси* — жизни, полной радостей. Вера в Оя-гами сама по себе избавляет его от недугов и страданий, обеспечивает удачу в делах и различные материальные блага. Но человек не должен удовлетворяться тем, что добился ёкигураси для самого себя. До тех пор, пока пыль покрывает души других людей, неизбежны война, страдания и различные социальные беды. А посему следует стремиться, чтобы все люди стали на истинный путь. Это предполагает, что каждый приверженец Тэнри кё должен действовать с миссионерским рвением, обращая других людей в свою веру. И вот когда мир, наконец, полностью будет очищен от пыли, вечное счастье станет уделом всех людей на земле. Прекратятся все страдания, каждый человек будет жить до 115 лет и умрет в этом возрасте, но лишь для того, чтобы тут же возвратиться на землю в виде новорожденного младенца, который проживет те же счастливые 115 лет, и этот «круговорот счастья» будет длиться вечно.

Синкретический характер догматики Тэнри кё очевиден. Элементы синто, особенно сильные в космогоническом мифе религии, в котором в качестве прародителей человека выступают Идзанаги и Идзанами, сочетаются с заимствованиями из буддизма (идея перерождения) и в еще большей степени из христианства. Примечательно, что первоначально объектом культа в Тэнри кё был Тэнринёо — легендарный персонаж буддийской мифологии, имя которого со временем было преобразовано в Тэнри-о-но-микото на синтоистский манер с учетом того, что в обстановке роста популярности синто в канун революции 1867—1868 гг. такое имя было более привлекательным для верующих.

Простая и практическая догматика, доступная для понимания широкого круга верующих, послужила одним из важнейших факторов, обеспечивших распространение влияния Тэнри кё особенно среди крестьян и городских низов.

Очень важную роль в деятельности Тэнри кё играет духовный центр религии — Оясато (обитель бога) — обширный комплекс различных построек, занимающих значительную часть г. Тэнри, который в свое время был переименован именно в честь Тэнри кё. Оясато производит сильное впечатление величием и размерами своих построек. В центре расположен церковный ансамбль, состоящий из двух зданий — хондэн и кёсодэн, которые соединены между собой двумя галереями, каждая длиной 436 м. Хондэн внутренним убранством почти не отличается от

синтоистских святилищ. Кёсодэн представляет собою святилище основательницы. Оба здания, как и соединяющие их галереи, исполнены в традиционном стиле синтоистских построек, а перед хондэн возвышаются громадные П-образной формы ворота — *тории*.

Близ Оясато расположен административный центр Тэнри кё Оясато яката — обширное железобетонное здание, общая площадь помещений которого достигает почти 53 тыс. м^2. Это сооружение, потребовавшее затраты полутора миллионов человеко-дней, было возведено исключительно за счет безвозмездного труда верующих. Помимо Оясато и Оясато яката в городе насчитывается около 140 гостиниц, которые способны вместить одновременно свыше 150 тыс. адептов Тэнри кё, посещающих свой духовный центр (всего населения в городе примерно 50 тыс.). На территории города расположены принадлежащие Тэнри кё университет, научно-исследовательский институт азиатской культуры, одна из лучших в стране библиотек, этнографический музей, средняя общеобразовательная школа, больница, научно-исследовательский институт туберкулеза, туберкулезный санаторий, приют для сирот, различные спортивные сооружения и некоторые другие учреждения.

Регулярные посещения верующими своего духовного центра призваны поддерживать в них убеждение о величии Тэнри кё. Не меньшее значение имеет постоянное привлечение верующих к различным видам безвозмездного труда на благо организации, что способствует воспитанию в них чувства принадлежности к коллективу и тем самым сплочению организации. Подобные методы работы с верующими сейчас характерны практически для всех массовых новых религий, но впервые они получили распространение именно в Тэнри кё.

Привлечение каждого верующего к миссионерской деятельности представляет собою движущую силу развития массовых новых религий. В то же время в Тэнри кё налажена основательная подготовка профессиональных миссионеров — *ёбоку*, а также постоянно функционируют трехмесячные курсы подготовки ёбоку, на которых одновременно занимаются около 1500 членов Тэнри кё в возрасте от 18 лет и старше. Первую половину дня слушают лекции о догматике Тэнри кё, жизни основательницы, истории организации, обучаются отправлению обрядности, а вторую половину дня посвящают хинокисин. По окончании курсов ёбоку возвращаются к себе на родину, чтобы проповедовать вероучение Тэнри кё среди своих друзей и соседей. В целях пропаганды веры используются печать, радио, телевидение, кино. Тэнри кё располагает собственной радиостанцией, производит десятки пропагандистских фильмов. Две драматические труппы Тэнри кё постоянно разъезжают по стране. Организация занимается большой издательской деятельностью. Среди периодических публикаций Тэнри кё — один из самых старых в Японии (с 1891 г.) ежемесячный журнал «Мити-но томо», ряд других журналов, еженедельная газета.

Тэнри кё раньше других новых религий развернула миссионерскую деятельность за рубежом. Отделения организации в настоящее время имеются в США, ряде стран Латинской Америки, в Юго-Восточной Азии, в Южной Корее, Индии, Непале, во многих странах Африки, а также в Западной Европе. В Оясато яката есть специальные отделы, занимающиеся проповедью религии в различных районах мира. На разных языках мира, в том числе и на русском, издаются канонические тексты Тэнри кё. Этой работе уделяется большое внимание, поскольку наличие зарубежных отделений служит важным показателем престижа любой новой религии.

По данным Тэнри кё, в рядах организации состоит 1807 тыс. верующих (в том числе 183 686 проповедников); имеется 16 758 церквей.

Конко кё (Религия золотого света) была основана в 1859 г. крестьянином Каватэ Бундзиро (1814—1883), происходившим из той же местности, что и Куродзуми Мунэтада. Подобно основателю Куродзуми кё, Каватэ участвовал в массовом паломничестве в Исэ, что оказало на него огромное влияние, непосредственным толчком к «божественному озарению» послужила болезнь. Каватэ оказался

одержимым популярным божеством народных верований Кодзин, способным насылать болезни и несчастья. Однако в интерпретации Каватэ Кодзин превратился в любящего бога Тэнти канэ-но ками (Золотой бог в небесах и на земле). Будучи убежденным, что Тэнти канэ-но ками вселился в его тело, Каватэ объявил себя Икигами конко дайдзин (буквально — живым богом золотого света). Он превратил свой дом в святилище бога, где принимал последователей новой религии. Учение Каватэ распространилось среди крестьян, торговцев и ремесленников Западного Хонсю.

Подобно Тэнри кё, под давлением властей руководители Конко кё вынуждены были пойти на известную модификацию своего вероучения, чтобы привести его в соответствии с догмами государственного синто. В 1900 г. Конко кё была признана официально и вплоть до поражения Японии во второй мировой войне оставалась на позициях сотрудничества с властями.

Подобно Куродзуми кё и Тэнри кё, Конко кё — монотеистическая религия. Основу ее догматики составляет абсолютная вера в Тэнти канэ-но ками — «бога-отца вселенной», перед которым все люди равны. Отношения между богом и человеком уподобляются отношениям между отцом и детьми. Твердая вера, избавление от страстей, примерная семейная жизнь, любовь к ближним, выполнение своих обязанностей в отношении друзей и общества в целом, стремление к миру — вот путь, следуя которому верующий обретет здоровье и земные блага.

В проповеди Конко кё заметнее, чем в других новых религиях, возникших в XIX в., ощущается влияние христианства. Очень схож с исповедью в христианстве и важнейший элемент религиозной практики Конко кё — *торицуги*. Выслушивая откровенный рассказ верующего о его прегрешениях и волнующих его проблемах, духовный глава религии или проповедник в местной церкви Конко кё доводит его до сведения бога и тем самым облегчает душу верующего. Именно практика торицуги в свое время обеспечила популярность Конко кё, импонируя забитому крестьянину или представителю городских низов тем, что помогала ему, пожалуй, впервые в жизни ощутить себя личностью, до которой кому-то есть дело. Будучи по существу индивидуальным собеседованием, торицуги выполняет в Конго кё ту же роль, что и групповые собеседования в других новых религиях [10].

В настоящее время в проповедях Конко кё основное внимание уделяется морально-этическим проблемам. По существу речь идет главным образом о сохранении традиционных норм морали и нравственности, проповедуются идеи патернализма и классового мира [11].

В Конко кё сохраняется ряд синтоистских обрядов — очищение, подношение пищи божеству и т. п. Одеяние священнослужителей, внутреннее оформление церквей также напоминает синто. Однако практика богослужения отличается от синтоистской. Главным элементом ее служит полностью отсутствующая в религиозной практике синтоистских святилищ проповедь, содержание которой, как правило, связано с повседневными заботами верующих. Проповедники постоянно подчеркивают, что вера действенна только тогда, когда она проявляется в повседневной жизни. Характерной особенностью, отличающей Конко кё от большинства новых религий, является отсутствие в ее культовой практике магии, заклинаний, заговоров.

Тезис о связи религии с жизнью способствует довольно активному участию Конко кё в различных формах общественной, в первую очередь благотворительной деятельности. В ведении Конко кё крупная больница, большая библиотека, детские сады и ясли, фонды, выплачивающие стипендии нуждающимся студентам. Для распространения вероучения активно используются средства массовой информации. Издается несколько газет и журналов, каждый из которых рассчитан на соответствующую возрастную группу верующих. Выпускается большое число книг религиозного содержания.

Конко кё проявляет весьма терпимое отношение к другим религиям. Для писаний теологов Конко кё характерны многочисленные ссылки на синто, буддизм, христианство, стремление заимствовать из этих религиозных традиций

то, что они считают полезным для развития догматики своей организации. У Конко кё 1653 церкви. Численность адептов этой религиозной организации 445 тыс. (в том числе 4 348 проповедников).

Рассмотренные неосинтоистские группы — самые ранние по времени возникновения и организационного оформления среди новых религиозных групп Японии. Уже одно это обстоятельство обусловливает их наибольшие консерватизм и близость к национальной религиозной традиции. Как было отмечено, степень такой близости не одинакова: она выше у синтоистских в своей основе движений и значительно ниже у движений типа Тэнри кё. Лидеры Тэнри кё вообще отвергают какую-либо связь своей конфессии с синто, что находит отражение и в официальной статистике, причисляющей Тэнри кё не к неосинтоистским, а к категории «прочих» религий. Некоторые японские религиоведы при анализе неосинтоистских движений подчеркивают, что по мере «старения» они все больше утрачивают черты, отличающие их от традиционных религиозных школ. Так, Н. Иноуэ отмечает, что движения, подобные Тэнри кё, «уже с трудом могут принять вызов, который бросает религии современность», они не в состоянии выполнять свойственную им в период возникновения функцию, а именно: указывать верующему пути решения стоящих перед ним проблем [12].

Для таких рассуждений, очевидно, имеются основания. Вместе с тем сохраняется существенная особенность, и по сей день отличающая неосинтоистские течения от национальной религиозной традиции. Если синто в основном остается общинным культом, субъектом которого является в первую очередь сообщество людей, будь то традиционная сельская община или же коллектив современного капиталистического предприятия, то каждая неосинтоистская группа ориентирована на индивидуум. Если синто удовлетворяет потребности верующего в различных формах традиционной обрядности, то неосинтоистские движения призваны отвечать запросам отдельной личности. В этом функциональном различии, очевидно, и состоит raison d'etre даже наиболее близких к синто групп.

Если в период своего возникновения и раннего развития неосинтоистские и народно-религиозные движения имели ярко выраженный прозелитический характер, то сейчас эта их черта отходит все более на задний план. Некоторые движения вообще практически не вербуют новых членов, превратившись в замкнутые сектантские группировки; другие, как Тэнри кё, продолжают активную миссионерскую деятельность, но, по сравнению с числом занятых в ней миссионеров, число новообращенных сравнительно невелико. Относительная стабильность численности большинства таких групп свидетельствует о том, что основным механизмом их самовоспроизводства стала семейная традиция, и в этом смысле они существенно уже не отличаются от несравненно более древних, возникших в средневековье, буддийских школ или групп почитателей некоторых особенно известных традиционных синтоистских храмов, вполне гармонично вписываясь в общую характерную для Японии картину неантагонистического религиозного плюрализма.

Примечания

[1] *Earhart H.* Byron. The New Religions of Japan. Tokyo, 1970. P. 3.

[2] Имеются в виду организации, определяемые в японском законодательстве как *хокацу сюкё ходзин* (охватывающие религиозные юридические лица), в каждую из которых в качестве *танъи сюкё ходзин* (отдельных религиозных юридических лиц) входят конкретные храмы, святилища, церкви и т. п.

[3] Основанием для таких оценок служат данные как официальной статистики, базирующейся на информации, предоставленной самими религиозными организациями, так и различных обследований.

[4] *Мураками Сигэёси.* Новые религии. Токио, 1980. С. 13 (на яп. яз).

[5] Окёсама — Священные писания народных религий. Нёрай кё. Токио, 1977 (на яп. яз.).

[6] Учение о жизни — Священные писания народных религий. Куродзуми кё. Токио, 1977 (на яп. яз.); *Симада Кадзуо.* Духовный глава Куродзуми кё Куродзуми Мунэхару//Тюо корон. 1985. № 7. С. 280—289 (на яп. яз.).

[7] Здесь и далее данные о религиозных организациях приводятся по: Сюкё нэнкан хэйсэй 2 нэнхан (Религиозный ежегодник 1990 г.). Токио, 1991. Сведения о численности адептов, как правило, завышены, но дают представление о соотношении сил между организациями. Данные о печатных органах и

зарубежных филиалах организаций приводятся по: *Иноуэ Н. и др.* Справочник научно-исследовательских работ по новым религиям. Токио, 1981 (на яп. яз.).

[8] *Микагура ута.* Офудэсаки — Священные писания народных религий. Тэнри кё. Токио, 1976 (на яп. яз.).

[9] *Умэхара Масаки.* Хонмити//Син сюкё-но сэкай IV (Мир новых религий IV). Токио, 1978 (на яп. яз.).

[10] Записки Конко дайдзин. Священные писания народных религий. Конко кё. Токио, 1977 (на яп. яз.); *Мураками Сигэёси.* Жизнь Конко дайдзин. Токио, 1972 (на яп. яз.).

[11] *Симада Кадзуо.* Духовный глава Конко кё Конко Кантаро//Тюо корон. 1983. № 9. С. 290—298. (на яп. яз.).

[12] *Иноуэ Н. С.* Современное положение японской религии//Сюму дзико (Религиозное обозрение). № 83. Март 1990. С. 10. (на яп. яз).

New Religions of Japan

The article deals with new social-religious movements of Japan, numerous groups and organisations which emerged during the XIX c. and gained momentum after the World War II. Due to their ideological impact they occupy the leading place in modern Japan, and are viewed by the author as religious modernism. Their activities reach the highest point in times of social crisis. The new religions posess some common features, by which they differ from the traditional confessions. By their origin these movements are classified into four groups: neoshintoist, neobuddist, syncretic, and movements of interreligious harmony. The author discusses the history, dogmata and worship rituals of Kurozumi kyo, Tenri kyo, and Konko kyo, which base their teachings on the synthesis of Shinto and other religious traditions.

G. E. Svetlov

© 1994 г., ЭО., № 2

В. П. Петров

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ В АМЕРИКЕ

Предисловие

Автор этой статьи, Виктор Порфирьевич Петров, американец русского происхождения, политолог, историк и экономгеограф. Три десятилетия отдал он преподавательской работе в университете Джорджа Вашингтона, продолжительное время был профессором Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и, наконец, в университете Виктории в Британской Колумбии (Канада).

В. П. Петров родился в Шанхае в марте 1907 г. Его отец был диаконом в Свято-Никольском соборе в уникальном «русском городе» Китая — Харбине. Богослужение в этом соборе В. П. Петров отобразил в своей автобиографической повести «Катаклизм» (Изд. Русско-Американского исторического общества, Вашингтон, округ Колумбия, 1982, с. 291—292). И хотя собор на огромной площади Харбина не сохранился, дом, где жила многодетная семья Петровых (в семье было девять детей) уцелел и стоит по сей день. В юности Виктор служил телеграфистом на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), строительство которой было начато на инвестиции России и Китая еще в 1903 г. Он рано занялся литературным трудом: ему исполнилось 25 лет, когда был издан в Шанхае сборник его рассказов «Под американским флагом» (Шанхай, 1933). Затем последовали роман «Лола» (Шанхай, 1934), рассказы «В Маньчжурии» (Шанхай, 1937). После переезда (в 1940 г.) из Китая в США В. П. Петров опубликовал около двух десятков книг, из числа которых восемь, посвященные экономике и географии Китая, Монголии и Советского Союза, были изданы (1959—1976) на английском, но никогда не переводились на русский язык. Остальные же были изданы в США на русском и никогда не переводились на английский язык, а поэтому, видимо, не обрели в США достаточной известности.

С большим знанием и пониманием В. П. Петровым написан исторический обзор «Российская духовная миссия в Китае» (Вашингтон, Изд. Русского книжного дома в США В. Камкин. 1968)

Проследив проникновение православия в Китай с конца XVII в., В. П. Петров особо отмечал, что